

в хозяйстве одиноких, построение хат погорельцам). Большое внимание уделяется формам семьи, кратко, но содержательно анализируется семейная обрядность, приводятся сведения о народной педагогике.

В пятой главе освещается духовная культура белорусов — фольклор, народная музыка и музыкальные инструменты, традиционное хореографическое и прикладное искусство. Имеющиеся в главе материалы о народных верованиях и росте атеизма в советскую эпоху могут быть использованы в антирелигиозной пропаганде.

Положительной стороной учебного пособия является то, что его автор не ограничился освещением только традиционных форм культуры и быта. Важнейшие культурные и бытовые явления он рассматривает через призму того влияния, которое оказал на них социалистический строй. Читатель на многочисленных примерах может убедиться в огромных позитивных изменениях, происшедших в образе жизни белорусского народа за годы Советской власти. Все это, несомненно, имеет не только научно-познавательное, но и воспитательное значение.

Сделанные замечания не снижают того благоприятного впечатления, которое оставляет книга. В целом она характеризуется высоким научно-теоретическим и методическим уровнем и, безусловно, привлечет внимание широкого круга читателей, интересующихся культурой, бытом и этнической историей восточнославянских народов.

И. Н. Браим.

Л. И. Лавров. Этнография Кавказа (по полевым материалам 1924—1978 гг.). Ленинград: Наука, 1982. 224 с.

Печально сознавать, что автора рецензируемой книги уже нет в живых. Л. И. Лавров не дожил лишь нескольких месяцев до выхода «Этнографии Кавказа» в свет — последней книги в творческой биографии ученого. И так получилось, что в ней исследователь, как бы подводя итог пройденному пути, делится воспоминаниями о своих поездках на Кавказ, размышляет о работе этнографа, о ее трудностях и радостях, о счастье соприкосновения с народной культурой.

Жанр книги определить трудно. Это не монография и не сборник статей. Л. И. Лавров собрал воедино свои полевые дневники за более чем 50-летний период поездок и экспедиций и дал возможность читателям ознакомиться с ними. Эти записи составили в книге 30 очерков, посвященных пребыванию автора в Адыгее, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Абхазии, Дагестане, Грузии. Такого рода издания — редкий случай в практике этнографических публикаций¹. Собранный в поле материал всегда рассматривался как полуфабрикат, в некотором смысле механическое собрание этнографических фактов, описаний и наблюдений, которые приобретают логику и систему лишь после переработки его ученым в рамках своей научной концепции. Однако в данном случае оказывается, что полевой материал может иметь гораздо большее значение, чем только источник для этнографического исследования. Хотя с такой меркой можно подойти и к опубликованным записям Л. И. Лаврова: они насыщены добротным этнографическим материалом, и специалист сможет почерпнуть в них для себя немало ценной информации. Но мне хочется сказать о другом. Полевые дневники Л. И. Лаврова в том виде, в каком автор счел нужным их опубликовать, — производят яркое впечатление. Они читаются с неослабевающим интересом и в целом воспринимаются как символ неутомимой и самоотверженной человеческой деятельности на избранном профессиональном поприще. И в этом мне видится главный смысл последней работы видного ученого-кавказоведа.

Книга открывается воспоминаниями о первых этнографических впечатлениях, полученных автором еще в молодые годы, которые он провел на Кубани, в многонациональном крае, где бок о бок живут адыги, русские, украинцы, представители многих других народов. Эти воспоминания по-своему интересны. Мы можем проследить, как в сознании молодого человека зарождались первые представления, быть может, о коренных понятиях этнографии — о множественности этнической картины мира и о тесных и многообразных контактах, существующих между народами. Зарождению подобных представлений во многом способствовало своеобразие окружавшего его с детства быта, наглядные примеры взаимовлияний кавказской и славянской этнических культур, характерные для этого региона Кавказа. Это давало пылкому уму обильную пищу для размышлений, и впоследствии Л. И. Лавров немало сделал для уяснения конкретных механизмов и результатов этих взаимовлияний².

Последующие страницы книги помогают читателю получить представление о кипучей деятельности Л. И. Лаврова как этнографа. Пожалуй, на Северном Кавказе и в Дагестане нет такого места, где бы не побывал исследователь; немало троп было исхожено им и по Закавказью. И всюду этнограф, верный своей профессии, scrupulously фиксирует увиденное и услышанное в полевом дневнике. Сколь широко и мно-

¹ В кавказоведческой литературе можно указать лишь на одно подобное издание: Магомедов Р. М. По аулам Дагестана. Выписки из полевых дневников. Махачкала: Дагучпедгиз, 1977.

² Лавров Л. І. До питання про українсько-кавказькі культурні зв'язки.— Народна творчість та етнографія. Кн. 3. Київ, 1961.

гообразны интересы ученого, видно уже в самом начале его деятельности: это вопросы этногенеза и этнической истории, хозяйства и материальной культуры, социальных отношений, общественного и семейного быта, духовной культуры, этнической ономастики и эпиграфики. Такой же всеобъемлющий характер носила исследовательская деятельность Л. И. Лаврова и в дальнейшем.

Материалы, помещенные в «Этнографии Кавказа», интересны тем, что они содержат записи Л. И. Лаврова, относящиеся еще к 20—30-м годам — периоду, довольно слабо освещенному в специальной литературе. Между тем в эти годы происходили чрезвычайно важные процессы, которые Л. И. Лавров в одной из своих работ назвал «революцией быта на Кавказе»³. Автор воочию наблюдал эту революцию. Он был свидетелем того, как традиционный кавказский быт размывался под влиянием грандиозных социально-экономических перемен, как патриархальные устои сдавали свои позиции, уступая место новым порядкам и веяниям. Вместе с тем старое еще цепко держалось за жизнь, поэтому кавказская действительность тех лет представляла собой причудливое сочетание традиционных и новационных элементов. Конкретные этнографические реалии того периода, отражающие сложный, во многом противоречивый процесс ломки старого быта, можно найти в дневниковых записях Л. И. Лаврова, опубликованных в рецензируемой книге.

Судьба этнографа не раз заставляла Л. И. Лаврова вновь посещать, иногда через много лет, те места, в которых он уже однажды побывал. И снова рука ученого тянется к карандашу и блокноту, чтобы зафиксировать перемены и изменения в жизни местного населения. Соответствующие материалы из полевых дневников читатель может сравнить и таким образом проследить за динамикой развития бытовой культуры в тех регионах Кавказа, которые в свое время были охвачены исследованиями Л. И. Лаврова. Это, безусловно, ценный и уникальный материал.

Готовя свои полевые материалы к публикации, Л. И. Лавров, очевидно, ограничился лишь самой минимальной авторской правкой. Поэтому страницы «Этнографии Кавказа» порой хранят печать фрагментарности и отрывочности, столь характерных для полевых дневниковых записей. Но они тем и интересны, что отражают именно первое, сиюминутное впечатление, с фотографической точностью схваченное в статике момента наблюдения. Этим у читателя создается как бы эффект личного присутствия, тем более что за всеми описаниями чувствуется рука опытного этнографа, отделяющая интересное от малозначительного, существенное от поверхностного, закономерность от случайности. В результате из коротких, на первый взгляд не связанных точно обозначенной общей идеей самостоятельных очерков вырастают яркие, сочные, наполненные живыми характеристиками и подробностями картины кавказского быта.

Характерной чертой дневниковых записей Л. И. Лаврова является обостренный интерес автора к людям, с которыми ему приходилось общаться, к информаторам, носителям живой культурной традиции этноса. Страницы его полевых дневников сохранили яркие эпизоды встреч с теми, с кем довелось когда-то работать. Зачастую эти страницы превращаются не просто в рассказ об отдельных людях, а в маленькие новеллы о трагических судьбах дореволюционной истории народов Кавказа. Таков, например, шемящий душу рассказ о судьбе старика-абхаза, покинувшего родину во время махаджирства — массового переселения в Турцию в 60—70-х годах XIX в.

Немало строк в книге посвящено местным исследователям истории и этнографии Кавказа, с которыми Л. И. Лавров встречался во время поездок. Он тепло и с благодарностью вспоминает о С. И. Габиеве, М. И. Ермоленко, А. П. Краснове, А. Л. Лукине, И. А. Наврузове, А. К. Хашба, Г. З. Шакирбай и многих других.

Как правило, в полевых дневниках этнограф меньше всего говорит о себе. В этом отношении материалы, помещенные в «Этнографии Кавказа», не являются исключением. Однако по прочтении книги остается чувство прикосновения к глубоко личному документу, поскольку страницы «Этнографии Кавказа» — это не просто бесстрастное описание явлений, фактов и предметов, но заинтересованный рассказ о них, в котором ярко проявилась человеческая индивидуальность автора. И прежде всего она видна в присущем дневниковым записям Л. И. Лаврова обостренному вниманию к особенностям местного быта, ко всем проявлениям «кавказского», где за чисто профессиональным интересом скрывается чувство искренней любви и глубокой привязанности к отеческому краю, в котором этнограф вырос и возмужал.

В заключение мне особо хочется выделить высказанную Л. И. Лавровым на страницах «Этнографии Кавказа» мысль о необходимости соединения усилий всех кавказоведов страны для решения крупных общекавказских проблем, без распыления исследовательского поиска на мелкотемье. Нельзя не признать своевременность этого призыва. Современное состояние наших знаний позволяет ставить подобные проблемы и выработать методы для их успешного разрешения.

В короткой рецензии практически невозможно остановиться на всех интересных разделах рецензируемой книги. Несомненно одно — она найдет и уже нашла широкий отклик у специалистов. Автор справедливо надеялся, что «материалы этой работы придутся исследователям истории и этнографии Кавказа».

Ю. Д. Анчабадзе

³ Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978, с. 5.